

П. И. Зиннер.

Немцы Нижнего Поволжья.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

Выдающиеся деятели
из колоний Поволжья.

САРАТОВ

1925

Немцы Нижнего Поволжья.

Исторический очерк.

П. И. Зиннер.

1. Причины колонизации.

В вековой борьбе с кочевыми народами Юго-Востока Европы: татарами, киргизами, калмыками и др. Московскому торговому капиталу в 16-м веке удалось, наконец, захватить великий водный путь — Волгу на всем протяжении, от истока до устья. Чтобы удержать за собой всю власть над этим путем, Московское и, позднее, Петербургское правительство стремилось к продвижению восточных границ возможно далее к востоку, в приуральские, зауральские и даже в передне-азиатские степи. Это делалось с целью оттеснения вглубь Азии полудиких, свободолюбивых народов путем заселения захваченных у них территорий и создания, таким образом, оплота против попыток последних к нападениям, наездам.

Для заселения этих степных областей на Волге и в Заволжье Россия, собственно, располагала достаточным излишком крестьянского населения. Уже в течении столетий среди русского крестьянства господствовало неудержимое стремление к свободе: долгой сродной полосы, опостылевшей крестьянам вследствие произвола феодалов и собственного малоземелья, туда в даль, в „Дикое Поле“, на

Днепр, Дон, Волгу. Яик (Урал), в Зауралье!.. Такой же излишек развавшихся на волю крепостных крестьян имелся и во время Екатерины II. Но правительство и помещичье дворянство отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы отпустить куда-то вдале своих крепостных и, таким образом, отказаться от эксплуатации их путем бесконечной барщины. Крепостной крестьянин, как он ни был беден, темен, обезличен, непродуктивен на барщине, был единственным источником дохода для помещика, ведшего расточительный образ жизни. Поэтому простая и сама собой напрашивавшаяся мысль о планомерном заселении степи русскими крестьянами была неприемлема для правительства, охранявшего прежде всего интересы дворянства. Наоборот, всякую попытку крестьян, избавиться путем бегства от вековой барщины, правительство старалось пресечь в корне жестокими расправами.

Таким образом, у правительства возникла мысль, привлечь в Россию для заселения степи иностранцев, преимущественно немцев, от которых оно ожидало, кстати, и перенесения на русскую почву усовершенствованных приемов обработки земли.

2. Вызов колонистов.

В Западной Европе, особенно же в Германии, на лицо имелись экономические и политические условия весьма благоприятствовавшие переселенческому движению в Россию. Благодаря безконечным войнам, в особенности, благодаря семилетней войне (1756—1763), хозяйство средне-европейских государств было крайне расшатано. Не было, к тому же, еще сильной промышленности, которая поглотила бы излишек населения. Горожане еще не успели разбить оковы феодального абсолютизма. Крепостная зависимость, раздробленность Европы на множество мелких государств, и ограничение свободы ремесла задерживали развитие торговли и рост благосостояния. Из этого положения для массы ремесленников и крестьян, угрожаемых разорением, имелся только один выход: переселение в Америку или Россию. Деятельная агитация агентов русского правительства, посланных за границу для вербовки переселенцев, направила переселенческую волну в Россию.

Вербование колонистов производилось на основании манифестов Екатерины II от 4 дек. 1762 г. и от 22 июля 1763 г. Первый манифест не имел успеха, т. к. там условия переселения не были в достаточной мере выяснены. Поэтому пришлось издать второй манифест (от 22 июля) с подробным изложением условий и выгод для переселяющихся.

В несметном количестве распространяло основанное в 1762 г. с правами министерства „Опекунство иностранных“ названные манифесты по всей Европе, в особенности же по Германии. Представители России при иностранных дворах обязаны были руководить вербовкой. Для вербовки же было разослано множество правительственных и частных агентов-вызывате-

лей. Последние между прочим договорами выговорили себе право взимать с вызванных ими и поселенных у себя колонистов десятину, т. е. поставить их в крепостную зависимость по образцу Зап. Европы. В целом ряде немецких городов были учреждены сборные пункты. Оттуда колонисты направлялись в портовые города: Любек, Росток, Бремен, и далее морем на парусных судах в Россию. По прибытии в Ораниенбаум или Петербург, они частью сушей, частью водой были доставлены на место назначения. в Саратов.

3. Основание колоний.

Со дня вербовки и до приезда в Россию колонисты получали различных размеров суточные деньги, а при дальнейшем следовании еще подводы и военную охрану вплоть до места поселения. Главная масса новых колонистов была послана в Саратов. Часть их, ремесленники и фабриканты, осела в г. Саратове и основала на Немецкой улице ремесленную колонию. Огромная же масса вновь прибывших была направлена в новые колонии на обоих бережьях р. Волги. Согласно выработанного правительством плана для каждой прибывающей семьи должен был стоять наготове дом с надворными постройками. К каждому двору-хозяйству должен был быть прирезан готовый участок земли в 30 десятин (15 д. пахотной, 5 дес. луговой, 5 дес. лесной, 3½ д. выгонной и 1½ д. усадебной, гуменной и огородной земли), как этого требовал аграрный закон от 19 марта 1764 г. Но земля эта отводилась не в личную собственность хозяина двора, а лишь в наследственное пользование семьи. Двор-хозяйство унаследовал младший сын (минорат). Старшие сыновья выселялись на запасные наделы, имевшиеся при каждом селе, или, по использовании запасного

земельного фонда, должны были стать ремесленниками.

По прибытии на места поселения, колонисты обычно находили, вместо обещанных домов с пристройками, вбитые в землю колышки, отмечающие, где эти дома должны быть построены, конечно, заботами самих колонистов. Полевые угодья вовсе не были ни обмерены, ни нарезаны. Такая картина приводила людей в отчаяние. Но делать было нечего. Надо было позаботиться о пристанище. Разбивались палатки или строились из хвороста шалаши. Затем присупали к выкапыванию землянок, для семьи, а потом и для скота. В таких землянках не только скот, но и люди проводили 2—3 зимы, пока правительство не доставляло по Волге строевой лес и пока постройки не были возведены. Таким образом в 1764—1773 г.г. было поселено в 106 колониях около 8.000 семейств с 27.000 душ обою пола. 43 колонии были основаны самим правительством, а 63 частными вызывателями. В частных колониях поселенцы обязаны были, согласно тайных договоров вызывателей с правительством, давать своим господам, директорам-вызывателям, десятую часть от всего добываемого, т. е. вызывательские колонисты очутились в крепостной зависимости. Это положение продержалось 10 лет и было уничтожено правительством после неумолкаемых протестов колонистов и расправ их с директорами. Колонии присвоили себе названия своих первых старост; официальные же названия, частью русские, частью иноземные, они получили в 1766 г.

4. Качественный состав выселенцев.

Сильные разногласия вызывает качественный состав выселенцев. Одни ученые считают их мало соответствовавшими своему назначению, т. к., во первых, де слишком большой процент из них были

не крестьяне, а ремесленники и т. к. они все были люди, сверх того, очень бедные; другие держатся диаметрально противоположного мнения. К числу первых относятся Клаус, Велицын (если и его брать всерьез), отчасти Писаревский, ко второй группе—акад. Лепехин, Паллас...

По моим подсчетам, произведенным на основании переселенческих списков, ремесленников действительно было около 40%, но это были, главным образом, крестьянские ремесленники; кузнецы, сапожники, столяры, ткачи и т. п. Городские же ремесленники и фабриканты были представлены в незначительном количестве и шли в Россию с тем, чтобы осесть в городах и тут заниматься своей профессией. Приняв их на таких условиях, контора затем насильно заставила всех подряд поселиться в селах и крестьянствовать. Но вряд ли можно ответственность за такие действия правительства взвалить на самих выселенцев. Так, по крайней мере, некоторые добросовестные наблюдатели колонистской жизни решительно отвергают те обвинения, как неосновательные. Кроме известных отзывов последнего рода мне за последнее время подвернулись два совершенно пока неизвестных.

Первый отзыв не нов по времени. Он, принадлежит быв. проф. университета и директору обсерватории в Христиании, Хр. Ганстеен (Hansteen), совершившему в 1829—30 г.г. путешествие по Сибири и проехавшему через колонии. Он между прочим, о колонистах говорит следующее: „Должен признаться, что мне было хорошо и легко среди них и что я нашел их очень любезными“... „Из этих колоний одни католические, другие реформатские, третьи лютеранские. Их дома лучше построены и образ жизни их совсем иной, чем у их русских соседей, лица более красивые (hübscher) и совершенно евро-

пейские; но они одеваются совсем по-русски. Словом, это пугешствие через колонии было для меня истинным отдыхом, услугой для глаз и ушей (Augen=und Ohrenweide)"... (Prof. Ch. Halsteen.—„Reise-Erinnerungen aus Sibirien“. Leipzig. Verlagsbuchh. von. C. B. Lorck. 1854.

Еще большего внимания заслуживает отзыв проф. Гиссенского ун-та Dr. К. Эссельборн. Он заканчивает свою только что опубликованную работу „Эмиграция из Гиссена в Россию“ следующими словами: „Было бы ошибочным утверждать, будто те эмигранты, которым разрешалось эмигрировать, были элементами, уход которых не был потерей для старой родины. Конечно, не эмигрировал несомненно никто из тех, кто имел свой полный достаток. Многие находились в состоянии нужды и задолженности. Многим на родине не доставало тех средств для безбедного существования, которые им сулила и давала чужбина. Иногда, правда, после всяких разочарований, т. к. они прилежанием, энергией и упорством победоносно преодолевали встречавшиеся на их пути трудности и препятствия и этим достигли такого благосостояния, какое бы им в Германии никогда не досталось в удел. И таких было большинство. Что иного влекло непреодолимое желание путешествовать, страсть к приключениям, или что иной эмигрировал потому, что дома он очутился в конфликте с законами,—это вполне естественно; но в общем Германия послала на Волгу и в другие области России отличный переселенческий элемент (Menschenmaterial)"... (Prof. Dr. K. Esselborn.—„Die Auswanderung aus Hessen nach Rassland“ W.-D. M. Berlin, 1924).

5. Разные бедствия

Первые 10 лет были трудным временем для новых поселенцев.

Помимо трудностей по сооружению жилищ и первоначальному обзаведению, на пути к их преуспеянию стал ряд таких преград, которых, казалось, не преодолеть никогда.

Климат для переселенцев, вопреки ожиданиям, оказался весьма губительным. Свирепствовавшая и без того коварная малярия и другие эпидемические болезни усилились особенно там, где люди должны были зимовать в сырых землянках и где питьевая вода была особенно плоха, как за Волгой. В результате всего этого за первое десятилетие вымерло около половины всего населения.

Туго налаживалось и хозяйство. В качестве инвентаря колонисты получили от правительства 1—2 тощих, диких, калмыцких лошадок и такую же калмыцкую коровенку; кроме того: части для сохи, 1 ход колес, 2 оси и оглобли для рыдвана, части для хомута, веревочные шлею, узду и возжи; затем дугу и, сверх всего, обычно еще 15—25 руб. на первоначальное обзаведение.

До первого урожая колонисты, конечно, получали от казны и довольствие. Но корыстные чиновники снабжали их такими продуктами, от которых отказывалась даже скотина. Семена первые года тоже доставлялись правительством, но каждый раз так поздно, что не успевали всходить, как об этом в один голос свидетельствуют в своих письменных воспоминаниях первые поселенцы и подтверждает академик Паллас. К этому присоединялись незнание климата и, как отмечено раньше, отсутствие удовлетворительного рабочего скота и соответствующих орудий. К сугубому несчастью колонистов первое десятилетие было почти сплошь весьма засушливым. Но и этого еще мало. И то немногое, что произрастало на полях, поедалось несметными стаями диких гусей и стравливалось стадами кочевников-сосодей. Наконец, за все это первое лихое де-

сятилетие и скот был подвержен заразным болезням, уничтожившим его почти весь.

Поэтому многие семьи, потеряв все добытое с таким трудом, должны были на зиму уходить в Саратов, где для них были устроены общественные работы (рытье траншей). В земную стужу эти полуглые, еще не привыкшие к суровому климату, люди массами простужались и умирали...

Но главным бедствием являлись постоянные набеги полудиких и, вследствие вытеснения их с насыщенных мест, естественно озлобленных соседей (калмыков и киргизов). Калмыки не только стравливали стадами поля, как отмечено выше, но и грабили села и угоняли скот на нагорной стороне. Еще хуже было положение заволжских колоний. Там киргизы производили ужасные опустошения, угоняли весь скот, сплошь грабили и сжигали селения, вырезывали население или уводили его на невольничьи рынки. После самых опустошительных нападений киргизов в 1774 г., в результате которых четыре колонии совсем исчезли с лица земли, колонисты были в 1775 году в страшной панике; даже не засевали своих полей.

Наконец, немало пострадали все колонии и в связи с пугачевщиной. Не понимая этого движения и относясь к нему враждебно, колонисты подверглись жестокому экзекуциям со стороны отрядов Пугачева.

6. Управление.

Для успешного развития колоний прежде всего нужна была хорошая организация управления. По одному из трех манифестов от 22 июля 1763 г. была, как указано выше, в Петербурге основана „Канцелярия Опекунства Иностранцев“ с правами министерства. Главными задачами канцелярии было: подготовить земли для заселения, давать

приют прибывающим переселенцам, „побуждать их к поселению на пустопорожных землях“, снабжать поселенцев жилищами и инвентарем и т. д.

Для большей близости к колониям, канцелярия основала в 1766 году в Саратове „Контору“. Эта Контора ведала непосредственно Саратовскими колониями и имела устройство и права тогдашних губернских управлений. Представителями правительственной власти на местах были комиссары, б. офицеры, сопровождавшие колонистские отряды на места и руководившие основанием колоний. Такой комиссар имелся в каждом селе. Во главе же каждой волости стоял волостной комиссар.

Согласно манифеста от 22 июля 1763 г. колонисты с самого начала выработали инструкцию о самоуправлении колоний, которая и была утверждена „Канцелярией Опекунства“. Впоследствии Канцелярия несколько раз перерабатывала, видимо, без всякого участия самих колонистов, это любопытное уложение о внутреннем распорядке колоний, причем колонисты сначала энергично протестовали против нарушения их прав. Так управлялись колонисты, пользуясь особыми правами и преимуществами, около ста лет, вплоть до отмены крепостной зависимости. С началом же проведения крестьянских реформ отменяются и преимущества колонистов: свобода от военной службы, собственное управление, свой внутренний распорядок и т. д.

В 1860 г. была отнята у Конторы власть судебной инстанции, с 1866 г. Контора лишилась всякого права участия в деле управления; оставались ей только школьные и церковные дела, на которые она до тех пор не обращала никакого внимания.

В 1871 г. закон о колонистах был отменен в целом, и колонисты оказались уравненными в правах с

русск. крестьянами. Сохраняли они лишь одно название „поселяне-собственники“. После подчинения колонистов общим законам почти сразу началась свирепая обрусительная политика, выразившаяся, между прочим, в том, что колониям, с одной стороны, упорно не разрешалось ни школ повышенного типа, ни периодических изданий на нем. языке, а с другой—особенно с начала 90-х г.г., стали вытесняться учителя-немцы из народных школ и заменяться русскими, не понимающими языка населения.

7. Землеустройство.

Согласно аграрного закона от 19 марта 1764 г. в колониях Поволжья надлежало ввести подворное землепользование. Но так как земельные угодья колонистов не только не были распланированы подворно, но не было еще и общих планов по селам, поэтому в области землепользования здесь постепенно воцарилась полная анархия. В дошедших до нас воспоминаниях первые выселенцы жалуются, что при имевшихся на лицо условиях было чрезвычайно трудно наладить полевое хозяйство. Этому, во-первых, сильно мешало то, что Канцелярия Опекунства погнала в колонии и тех ремесленников и фабрикантов, которые пришли в Россию, чтобы в городах заниматься своей профессией. Это обстоятельство уже послужило сильным тормазом для дела. Затем колонисты получили возможность пользоваться на первых порах только самым примитивным и плохим инвентарем. Правда, колонисты сразу построили свои деревянные плуги с железными лемехами. Но так как таких плугов в начале было еще мало и т. к. недоставало и рабочего скота, приходилось соединяться 3—4 семействам для работы одним плугом. Поля они, вследствие постоянных угроз со стороны лихих людей, заложили только вблизи села. Но

каждый пахал, где хотел, г. к. земля еще не была поделена и ее было сколько душе угодно. Однако, по мере расширения посевной площади установилось, по преданиям, истинно хищническое хозяйство. Каждый старался захватить возможно ближе к селу наибольшее количество лучшей земли. Кто первый обводил межей и засеивал некоторую часть поля, тот на данный год владел им. По преданию эти поля нередко обмежевывались и засеивались, когда значительная часть земли была еще покрыта снегом. Что при этом часто не обходилось дело без ссор и раздоров, даже форменных побоищ, в этом отношении можно безусловно верить старым хронистам. Приходилось вмешаться начальству и несколько урегулировать ежегодные переделы земли. Стали далее разделять землю по жребью, сначала на один, а потом и на несколько лет. И так как вся земля и юридически принадлежала не отдельным хозяевам, а всему обществу, в колониях Поволжья сложился порядок полусредне-немецкого и полу-великорусского землепользования. К этому колонистов привела сама жизнь, сама суровая действительность. Когда же правительство, наконец, вздумало вмешаться и навести порядок в земельных отношениях, положение оказалось настолько запутанным, что нельзя было найти ни начала, ни конца. Пришлось мириться с тем, что имелось на лицо, с общим землепользованием, с „миром“, который успел сложиться прочно. Установлению этого порядка вещей сильно способствовал способ обложения колонистов податьми, искони тождественный с порядком обложения в великорусском „мире“. Общим явлением стало в колониях общинное землепользование в 1782—1797 г.г., когда не существовало собственного управления и когда колонии были подчинены общерусским органам уп-

равления. Узаконен же был этот порядок в 1816 г. восстановленным Опекунским Управлением колонистов, т. к. последнее не находило уже иного выхода, как окончательно отказаться от аграрного закона, 19 марта 1764 г. и узаконить „мир“ с его делением земли по душам.

Таким образом, развитие сельско-хоз. техники в колониях пошло почти таким же черепашным шагом, как и в закрепощенной великорусской деревне. Ускорился этот темп лишь после падения крепостного права, когда индустриальный капитализм, развиваясь на Руси, втянул в свой круг и русскую деревню. Из земли выросли гиганты-паровые мельницы, вошли в крестьянский обиход железные плуги, жнейки, молотилки. При таких условиях к концу прошлого столетия в колониях Поволжья, как, впрочем, и везде в России, крайне развился и обострился земельный голод. Земельный вопрос стал вопросом жизни и смерти для крестьянина. Старый „мир“ с чрезполосицей и постоянными переделами вынуждал крестьянство, вопреки требованиям жизни, держаться давно отжившего свой век трехполья с его исконным свойством—экстенсивностью. И так как при этом земельный голод стал вопиющим, во многих местах, особенно же в Нижнем Поволжье, приходилось сеять пшеницу пять, шесть и более лет подряд на одном и том же поле, без всякого пара, без передышки для земли. Урожаи стали при этом все скуднее и скуднее. При малейшей же засухе полный неурожай стал на крестьянских угодьях бытовым явлением; тогда как у тех же крестьян на соседних городских землях, при несколько усовершенствованной форме хозяйства, урожаи получались средние. Таким образом, из трехполья в колониях получилось еще нечто худшее, т. е. простое первобытное хищническое хозяйство. Хронические неурожай,

которых на каждое десятилетие выпадало по два, в один год поглощали все, что за 8—9 лет с большим трудолюбием и упорством было добыто.

Надо было искать новых путей, которые спасли бы крестьянское хозяйство от полного развала. Эти пути правительство усмотрело в выселении в Америку и в переселении в Сибирь и Средн. Азию. Их то оно и использовало с целью проредить крестьянские массы и перекинуть на окраины или вовсе избавиться от „безпокойного“ элемента. Так думало правительство. На деле же это прореживание населения было лишь заплатой на старом платье. Надо было изыскать более действительный, новый путь. Таким путем оказался, как для всей России, так и для колоний Поволжья, закон от 6-го июня 1906 г. об отрубном хозяйстве. И вот, вместо существовавшего дотоле в колониях общинного землепользования с 30-ю и более полосками и с переделами на 1, 2, 3, 4... 12 лет, колонисты начиная с 1906 г. постепенно переходят к „хуторному“ или „отрубному“ хозяйству. Сначала осторожные, тяжелые на подъем, подозрительные ко всяким новшествам, консервативные колонисты и слышать не хотели о „хуторах“. Но выход отдельных хозяев из общины на отруба заставил всех принять новшество. При этом переходе произошла полная пролетаризация части беднейшего крестьянства. Часть крестьян-пролетариев укрепила свой надел за собой и продала землю кулакам за бесценок. В колониях народились два новых экономических типа: помещик и пролетарий. В общем эта реформа, внесшая в колонии черты капитализма, повлекла за собой быстрое поднятие сельско-хозяйственной техники. Земля стала теперь собственностью каждого по отдельности. И вот наиболее культурная и сильная часть населения начала улуч-

шать землю: удобрять, поливать, засеивать культурными травами, сооружать на своем хуторе колодцы, пруды...

Скот стал теперь приносить в несколько раз больше пользы. Порода его можно было при хуторном хозяйстве облагораживать. Словом, колонии стали быстро приближаться к современному интенсивному хозяйству. Через несколько лет, к началу империалистической войны, благосостояние колоний почти удвоилось. Злосчастная война, однако, быстро разрушила благосостояние немцев. Она оторвала от земли лучшие молодые силы и поглотила несметные количества скота, хлеба и денег в виде налогов. Хозяйство пришло в полный упадок, от которого стало было оправляться после революции. Но небывалая за все время существования колоний засуха 1921 г. и последовавшие за ней неурожай 1922 и 1924 г. г. еще более подорвали крестьянское хозяйство колоний, так что понадобятся многие годы, дабы поднять его на должную высоту.

Подворное землепользование было в 1919 г. правительством отменено с целью уничтожения кулачества. Земля затем была поделена, как везде, между всеми наличными душами обоого пола, с введением чрезполосицы и постоянных переделов. В настоящее время этот устаревший способ отвергнут и земля во всей Нем. Республике снова поделена на группы. появились крестьянские коммуны, советск. хозяйства. Так как в Республике недостает рабочего скота, выписаны трактора и организуются тракторные отряды. Кроме того Маркштадтский завод „Возрождение“ сам строит тракторы своей системы, обещающие получить широкое распространение среди крестьян. Словом, правительство Нем. Республики делает героические усилия, чтобы поднять сельск-хоз.

края до обще-европейского уровня, не останавливаясь при этом и перед привлечением в край иностранного капитала для ускорения темпа.

8. Сельское хозяйство и промышленность.

Из злаков первое время в колониях лучше всего произрастали озимая и яровая рожь, ячмень, овес, особенно же яровая пшеница. Последней с каждым годом отводилось все больше простору. Кроме того сеяли, преимущественно на нагорной стороне, коноплю и лен, из волокон которых колонисты сами выделывали ткани для одежды, белья, мешков, палаток и вообще для своего обихода. В Сарепте и окрестностях большое значение приобрела культура горчицы, а в остальных колониях—подсолнуха В Сарепте же и одновременно в Екатериненштадте с самого начала колонистами была начата культура табаку, быстро распространявшаяся на все колонии луговой и нагорной стороны, т. к. табак сразу нашел хороший сбыт среди колмыков, киргизов, башкир, и эта отрасль хозяйства быстро развилась в один из значительных источников дохода. Это значение табаководство сохранило в северной половине заволжских колоний и до наших дней Попытка разводить в колониях Поволжья тутовое дерево для введения шелководства, после хорошего начала, оказалась не удавшейся за отсутствием выгодного сбыта Но для будущего нашего края эта попытка несомненно имеет крупное значение, т. к. дала доказательство, что шелковица у нас произрастать может. Первая попытка с введением виноградарства тоже было не удалась; привезенная с далекого, теплого юга лоза вымерзала, не перенося такого резкого перехода от тепла к холоду. Впоследствии, при постепенном перенесении лозы все дальше на север, оказалось, что в

нашем крае отлично может привиться виноградарство, что доказывает значительное количество виноградников колоний, существующих частью уже около 20 лет и дающих хороший продукт при обильном урожае (Добринка, Севастьяновка, Сосновка, Красн. Яр). Безуспешными оказались и попытки разводить красильные растения (крап и др.).

Зато огородничество приобрело в колониях с самого начала видное значение, как об этом уже свидетельствуют отзывы путешественников академиков: Лепехина, Палласа, Фалька и до., посетивших колонии в 18-м же веке. Колонистами введена, между прочим, и культура картофеля в Поволжье, причем русские соседи их приняли картофель лишь спустя 50 лет после его ввоза сюда. Не ограничились колонисты и разведением всяких овощей, начав из арбузов, дынь, сахарного сорго и свеклы варить сахар-сырец или патоку.

Разводили колонисты и зелень: салат, сельдерей, петрушку, пастернак, укроп, шпинат и др., доколе неизвестные в крае растения (Лепехин). Садоводство тоже начинается с первого десятилетия и прививается скоро повсеместно. Спустя сто лет значительная часть садов за истощенностью почвы забрасывается, новые же местами не закладываются. Садоводство, таким образом, местами уменьшается, вытесняемое усиленным посевом пшеницы и табаководством. Местами же, особенно вблизи Волги, оно сохраняет свое крупное хозяйственное значение до нашего времени. Процветало вначале в колониях и пчеловодство, впоследствии пришедшее в упадок, но сейчас опять распространяющееся повсеместно.

Были сделаны попытки ввести и культурное скотоводство, прежде всего, овцеводство (испанская порода). Вначале оно имело успех, а потом мало по малу, опять вышло

из обихода, из за того же увлечения посевом пшеницы. Но отдельные экземпляры „шпанки“ чистой породы встречались в колониях Поволжья еще в 90-х г. г.

Стал с самого начала процветать в колониях и промысел, не смотря на препятствия, чинимые Конторой Опекунства своим строгим запретом ремесла и сбыта продуктов собственного производства колонистов. Самое обширное значение приобрело ткачество путем производства для собственного обихода холста, полотна, сукна и, наконец, сарпинки, приобретенной в наше время чуть не мировую известность.—Рано начало процветать и горшечничество (Сарепта, Вольское, Суслы), достигшее довольно высокой кустарной техники и в будущем обещающее развиваться очень широко.—Счастлива была судьба кожевенного производства, достигшего в наше время крупного значения (Голый Карамыш, Севастьяновка, Маркштадт, Теляуза). На луговой стороне развилось корзиноплетение (Березовка, Казикое и др.) и соломоплетение (около Маркштадта). Кстати последний промысел-единственный в своем роде во всем С. С. С. Р.

На юге нагорной стороны (Н. Добринка) работали изобретенные колонистами молотильные камни, жернова, точила, теперь вытесняемые искусственными из цемента. На севере нагорной стороны кустари работают веялки, прядки, телеги, плуга, ножи, искусные курительные трубки.

Так как колонисты производили большое количество сырья, рано явилась в колониях потребность в фабриках и заводах. Начало сделала Сарепта. Она основала горчичные, водочный (Сарептский бальзам), горшечный, сахарный, пивной, чугунолитейный завод, табачную фабрику и мукомольные мельницы. Сахарный завод существовал и в Севастьяновке. Табачные фабрики

были построены колонистами и в Саратове, Баронске и др.

Маслобоянные заводы возникли повсеместно в колониях, затем и в Саратове. Голокарамышские сарпичные предприятия подготовили почву и вызвали основание „Сарат. Ман-ры“. Но главнейшая отрасль индустрии нашего края, мукомольное дело, всецело—детище колонистов Поволжья.

9. Переселенческое движение.

К началу 19 века колонии Поволжья достигли значительного благосостояния. К этому времени колонисты мало по малу получили возможность экспортировать свои продукты: хлеб, табак, кожу, ткани и т. д. на ярмарки в Нижний, Рыбинск, Астрахань, Оренбург...

Численность населения к этому времени успела сильно увеличиться. В соответствии с этим уменьшились и наделы на каждую семью. Нужда в земле росла, прежде всего, на нагорной стороне, с каждым годом. Еще до этого правительство проводило прирезки земли, но и они не могли утолить земельного голода.

Для устранения нового малоземелья правительство в 1840 г. снова прирезало около Камышина, затем на р. Еруслане и р. Торгуне около 250.000 дес. с тем, чтобы при равномерном распределении земли на каждую ревизскую душу приходилось по 15 дес. Там, где эти земли не примыкали к границам колоний и где нельзя было сделать соответствующие прирезки отдельным обществам, пришлось сорганизовать выселение. Таким образом, сверх прирезок возникло на отдаленных участках в 1846—1870 г. г. 53 выселения на луговой стороне и 13 на нагорной, всего 66 селений

В это же время начали переселяться из под Данцига в Заволжье меннониты, основавшие в 1853—74 г. г. 10 селений. Меннониты по-

лучили от правительства по 65 дес. земли на двор-хозяйство и сразу провели систему подворного хозяйства с многопольем, травосеянием и разведением племенного скота: лошадей Орловской породы, коров Голландской, овец Голландской и свиней породы Йоркшир. Кроме своего образцового культурного сельского хозяйства меннониты еще в другом отношении дали соседям наглядный урок: в сыроварении. И вот их соседи, немцы и русские, перенимают у них не только образцовое полевое хозяйство, но и племенное скотоводство и сыроваренье.

К концу эпохи выселения, к 70-м г. г., в колониях опять успел накопиться большой излишек населения. И первый неурожай (1871 г.) послужил опять толчком к переселенческому движению. Однако, на этот раз переселенцы двинулись не только на Кавказ, но и в более отдаленные края, в Южную и Северную Америку: Бразилию, Аргентину; С.-А. С. Штаты, Канаду и Мексику. Там образовались многочисленные колонии волжан. В Южной Америке насчитывают колонистов с Волги до 100.000 душ; в С.-А. С. Штатах—около 200.000 душ и в Канаде с Мексикой свыше 50.000 человек.

В 90-х г. г. началось, наряду с продолжающимся уходом в Америку, переселение в Сибирь (под Омск и Акмолинск) и Средн. Азию (к Ташкенту). С 1906 г. открылось еще движение в Прибалтийский край и Германию. Так тянулся излишек населения по разным направлениям вплоть до начала империалистической войны. Тут это движение остановилось.

Началось оно снова в 1921—22 г. г. и сразу достигло небывалых размеров. Причина — невиданная засуха. Уходили в Сибирь, Ср. Азию, на Кавказ, на Украину, в Центр. губернии, в Петербургские колонии, наконец, в Минск, Витебск, Полоцк с надеждой пробраться в

Америку. Но в Америку попали очень немногие, т. к. Америка ограничила въезд иммигрантов. Значительная часть уходивших сделалась жертвой голода и эпидемий. Оставшиеся в живых вернулись в 1922—23 г. г. домой, Этой осенью вследствие нового недорода опять потянулись целые вереницы выселенцев из Нем. Республики. Но правительство приняло все меры, чтобы остановить этот поток, и это ему удалось. Но все же приволжские города кишат еще беженцами-нищими из Нем. Республики. При возможности уехать в Америку или получить работу в промышленных центрах С. С. С. Р. эти безработные массы, разумеется, не нищенствовали бы, как они и прежде этого не делали, если не считать кучки профессионалов.

10. Школьное дело.

В области духовной культуры колонистов прежде всего приходится говорить об очаге ее, колонистской школе. Сразу при основании колоний поселенцы позаботились и об учреждении школ грамоты. Даже по пути из Петербурга в Саратов были на зимовье, в Торжке, устроены школьные занятия с детьми. По прибытии на место назначения колонисты сразу стали строить посреди села школу. В учителях, кс частью, недостатка не было. Среди колонистов были в достаточном количестве люди с хорошим образованием, даже академическим. Таким образом, в каждом селе сразу открылась школа. Там, где здание не было готово, занятия велись в крестьянской избе, благо детей школьного возраста было еще немного. Школу посещали дети от 7 до 15 лет, обучаясь чтению, письму и счету. Письму и счету учились преимущественно мальчики; для девочек это считалось роскошью. Школа была подчинена церкви, и надзор за ней вело духовенство. Но пеклись о ней всег-

да сами колонисты. Они сразу поняли, что при отсутствии школ повышенного типа у них культурный уровень с каждым поколением понизится. И когда Канцелярия Опекунства в навязывавшейся колонистам „Инструкции“ ни слова не проронила о школе, колонисты наши в своих критических замечаниях к этому закону между прочим заявили, что им нужна и повышенного типа школа для подготовки учителей, писарей и выборных должностных лиц. Но это требование не встретило отклика: колонии пока что остались без такой школы.

Далее случилось то, чего опасались колонисты. Учителя второго поколения имели возможность пройти лишь курс хорошей народной школы. Для практической деятельности крестьянину этого было достаточно, но для педагогической—мало, даже при пополнении знаний самообразованием. Однако, представители третьего поколения были учениками уже таких учителей, которые умели только читать, писать и считать. Их ученики опустились в познаниях еще ступенью ниже. И вот началось бедствие колонистской школы. Бойко читать умели тогда еще почти все колонисты, но плохо они писали и считали. Почетная должность учителя грамоты и доходы его, как побочная статья в безработные зимние месяцы, были для всякого соблазнительны. Началась конкуренция из за учительских мест. В результате этого установился обычай, ежегодно сдавать должность учителя с аукциона, подобно тому, как сдавались стадо, табуи: кто меньше всех возьмет, тот—учитель! Таким образом, можно было осенью наняться в учителя, а весной—в свинопасы. Со временем такое уравнивание произошло не только в должностях, но и в оплате труда.

Соответственно этому оказались и достижения учителя близкими к

нуло. В такой же мере пал и его престиж в глазах народа.

В это время (1800—1830) лучшие элементы среди колонистов делали многократные попытки, добиться у правительства разрешения на школу повышенного типа. Но тщетно. Зато в 1834 г., когда сам Саратовский губернатор стал жаловаться в Петербург, что де колонисты очень туго приобщаются к русской культуре, колонии получили сразу две школы. Это были центральные училища в Лесном Карамыше и Екатериненштадте. Содержались они на средства самих колонистов, собиравшиеся путем самообложения. Их культурное значение для колоний было весьма велико. За время их почти столетнего существования отсюда вышли почти все учителя, писаря, словом, почти вся интеллигенция колоний Поволжья.

После основания центральных училищ (3-х класс. школ) положение колонистской народной школы мало-помалу улучшается. Новые учителя теперь более отвечают своему назначению, чем старые—от сохи. С введением земской реформы и у колонистов появляются народные школы несколько высшего типа. Это были земские школы и министерские, а в Камышинском уезде—товарищеские. В 90-х г. г. инспектора народных училищ получили от духовенства в свое ведение и общественные школы грамоты. Они стали реформировать и приближать их строем к земской. Это было бы хорошо, если бы они не стали насаждать там руссификаторской политики, изгоняя учителей-немцев и назначая русских против воли хозяина школы—населения. Но и эта полоса миновала. С 1905 г. наши сравнительно демократические земства начали открывать в колониях высшего типа народные школы: 2-х и 4-х классные, а местами даже средние. К сожалению, и эти школы были чисто русскими, иногда даже без пре-

подавания родного языка как предмета.

Но вот грянула великая революционная буря и смела вместе с подгнившим, шатким зданием царизма и всю старую школьную систему. На развалинах ее теперь мало по малу расцветает новая жизнь. Все новые достижения в области школьно-воспитательного дела применяются и испытываются. Но, к сожалению, нашей новой школе недостает еще очень много: нет еще подходящих, надлежащим образом подготовленных для коллективной школьной работы учителей, нет подходящих книг, нет опыта, нет организации, нет необходимого контроля...

Но уже готовятся учителя—1 ступ., в Маркштадтском педагогич. техникуме и 2-й ст. в Москве, в нем. высш. пед. институте, пишутся и печатаются книги, приобретается опыт, проводится организация, налаживается контроль, словом, рождается новая школа.

11. Колонистская печать.

Оторванные от страны отцоз и заброшенные судьбой в среду, им народно-чуждую колонисты Поволжья в течении ста лет не имели почти никакой духовной связи с другими родственными им народами. Печатное слово долго отсутствовало совершенно, если не считать немногих книг религиозных.

Так как прессы не было, надо было создать ее домашним порядком. Народ и создавал себе ее. Это были обличительные песни-сатиры. После каждого общественно-предосудительного события они вырастали как грибы после дождя: согрешит девушка—песня; украдет что парень—воспевается его „подвиг“ по всему селу..

Но уже с 60-х г.г. начинаются попытки, создавать действительную прессу. Так Г. Бауэр издавал около 2-х лет (1866—1867) вместе с неким Эксе „Сарат. Немецк. Газе-

ту". Она не могла дальше продержаться, т. к. не окупалась. Вскоре были сделаны дальнейшие попытки. Первой из них было издание с 1873 г. календаря, основанного Бонвичем и Гельцем и продолженного Гюнтером (Таловка) вплоть до 1916 г. Около того же времени стал выходить у Киммеля (Саратов) второй календарь „Волга-Боте“. С 1884 г. Гюнтер начал издавать ежемесячный журнал „Фриднесботе“, выходивший до 1915 г. Крушинский с 1897 г. стал издавать в Саратове журнал „Клеменс“, тоже выходивший до начала войны. С марта по июнь 1906 г. в Камышине издавалась И. Фрицлером газета „Унзере Цейт“. В том же году начала в Саратове выходить „Сарат. Нем. Нар. Газета“, запрещенная в 1915 г. и вновь выходившая в август. 1917 г. С 1916 г. в Екатериенштадте стала выходить социалистическая газета „Колонист“, выходившая с 1918 г. под названием „Коммунист“. С 1818 г. Нем. Комиссариат стал издавать в Саратове газ. „Форверст“, потом переименованную в „Нахрихтен“.

С переходом в Баронск, немецкий комиссариат объединил газеты „Нахрихтен“, и „Коммунист“ под первым названием. С июня 1921 г. в Маркштадте стала выходить „Бауэрн-Цейтунг“, с сентября переименованная в „Унзере Виртшафт“. С января 1922 г. превращенная в 2-х-недельный журнал. Кроме того в Маркштадте еще выходили: детский журнал „Шпиль унд Арбейт“, журнал военн. ком-та „Кампф унд Арбейт“ и газета „Мельдеблат“ (Гольи Карамыш), все издававшиеся меньше года. В настоящее время выходят в Покровске: нем. ежедневная газета „Нахрихтен“, русск. ежедн. газета „Рабочая жизнь“ и двухнедельный журнал „Унзере Виртшафт“.

12. Начало собственной литературы.

Зачатки собственной литерату-

ры восходят к самому началу появления колонистов в России. Уже в Торжке колонист Платен описывает свое путешествие в стихотворной хронике. Потом, в течение первых лет по основании колоний, видимо, многие из колонистов писали свои воспоминания, из которых большая часть погибла, но кое-что дошло и до нас. То записки Циге, Катанео, Бата, Меринга, Шимпфа, Маттерна, Липперта, Эрфурта, Коливека, Штальбаума, Асмуса, Ант. Шнейдера, Штеркеля, Бауэра... Начиная с 60-х г.г. 19-го века кое-какие труды начинают появляться в печати, напр.: А. Клаус — „Наши колонии“. Спб. 1868.—Дзирне.— „Немецк. хрестоматия“. Дерпт, 1868, — Его же.— Рассказ о киргизском пленнике. Дерпт, 1868.—Гельцель.—*Audiatum et altera pars.*“ Дерпт, 1869.

После долгого перерыва, с 1904 г., начинают появляться книги, большей частью в самом Саратове: 1) Зиннер, П.—Садоводство. 1904.—2) Бауэр, Г.—История кол. Поволжья. (1908).—3) Лонзингер, А. —Садоводство.—4) Эрбес, И. и Зиннер, П.—Народн. песни Поволжья. 1914.—5) Г. Бератц. История колоний Нижн. Поволжья. (1915).—6) Геронимус.—„Стеф. Гайндль“.—7) Бератц—Гунгер.—„Фест унд трей“ (1914). 8) Куфельд.—„Песнь о кюст. Дейс“, 9) Лонзингер:—„Не поддавайся!“—Его же.—„Здесь и там“, „Филипп—Яков“. Повести, вышедшие в разное время. 10) Вальберг:—„Хр. Боде“, „Меннониты“, „Остров мертвых“, „Дары смерти“, „Фата Моргана“. Повести, вышедшие в разное время. 11) Материалы по родиноведению по кол. Поволжья. Покровск, 1923 и др.

Есть в колониях Поволжья и свои лирические таланты: Дорнгоф (+), А. Ней, А. Лонзингер, Руд. Дирк, А. Ротгрмель, Ф. Бах...

Сделаны и первые попытки по созданию драмы: Бератц Гунгер: „Фест унд трей“, Э Куфельд:—„Ви

ман нихт зейн золь" и др. Фр. Бах:— „Старая школа“ А. Ротэрмель— „Из за двух огурцов“ Лонзингер: „Мистер Горн“.

Это—первые попытки, создать собственную литературу в колониях Поволжья. Кроме названных имен можно было назвать еще с десятка менее значительных, менее определившихся дарований, но и этих достаточно. Школы. преемственного влияния здесь пока нет. Каждый ощупью идет еще своим путем. Но сказать, что здесь имеются действительные зачатки литературного творчества, мы имеем право. Даже больше. Если ход дальнейшего развития наших колоний сложится благоприятно, они несомненно создадут и свою литературу

13. Автономная Область Немцев Поволжья.

Октябрьская революция принесла и колониям Поволжья глубокие изменения. Самым главным и значительным было создание автономной области. История возникновения этой автономной области весьма поучительна. В начале 1913 г. демократически настроенные земцы немцы созвали в с Привальном с'езд представителей волостей с немецким населением. На этот с'езд явились и немцы-социалисты, принявшие активное участие в работах с'езда. После четырехдневного совещания был выработан проект „Положения национального объединения всех немцев Поволжья“. Постановления этого совещания были представлены делегацией совещания: 2 представителями от волостей и 2 от союза социалистов—центральной советской власти в Москве. Из этого представления высшая власть увидела, сколь серьезно заинтересовано население колоний Поволжья своим правом самоуправления. Для организации немецкого комисариата в Саратове Центр

прислал сюда, в подмогу местным работникам, двух партийников: Фридендера-Рейгера и Петина. Эта задача и была ими выполнена. И вот с лета 1918 г. существовала автономная Область Немцев Поволжья. Официально Область была объявлена автономной декретом от 19-го октября 1918 г. Для проведения такой до корня новой формы управления время тогда было весьма неблагоприятным. Гражданская война, восстания, голод, эпидемии—вот камни преткновения, лежавшие на пути нового правительства. Задача весьма сложная и трудная, а работники—неолытны. Надо было с'организовать в Области военные части и перекинуть их срочно на фронт; надо было ликвидировать наличные восстания и предупредить возможность новых; надо было провести энергично и умело помощь голодавшему населению и снабдить его семенами; надо было мобилизовать все силы на борьбу с холерой, малярией и тремя тифами; надо было... Работников была горсточка. И не смотря на промахи, не смотря на трудности, эта огромная работа в течении пяти лет выполнялась, и выполнялась в конце концов успешно. А велась ведь борьба не только с политическими и стихийными врагами (голодом, болезнями); проведена и огромная организационная работа, осуществлены важные мероприятия по строительству. Организованы для населения потребительская кооперация, сельская производственная кооперация, кредитная кооперация (Нем.-Вол.-Банк); заново перестроена школа, реорганизовано дело воспитания сирот, налажена организация пионерских форпостов и комсомольских ячеек; подготовлены многочисленные кадры собственных работников. взамен „иностранцев“, которые, как элемент пришлый, не знали местных условий и вели работу часто неудовлетворительно, но были до поры до времени необхо-

димы за неимением своих; наконец, осуществлено округление области, превратившее Область в замкнутое целое с немаловажным экономическим значением для юго-восточного района и для всей Р.С.Ф.С.Р.

14. А. С. С. Республика Немцев Поволжья.

6-го января 1924 г. Автономн. Обл. Немцев Поволжья была провозглашена Авт. Соц. Сов. Республ. Немц. Пов. Этим актом советская власть лишней раз доказала свою полную последовательность в национальном вопросе. Она наглядно опять показала, что в С.С.С.Р. национальный вопрос действительно решается радикально: национальностям дается полная возможность, развернуть свободно все свои экономические и духовные особенности. Основанием центрального правительства для оказания такого доверия послужил факт пятилетнего успешного действия административного аппарата. Раз при большой стесненности за 5 тяжелых, голодных лет развала хозяйства люди работали с железной энергией над сохранением и даже восстановлением этого хозяйства, надо дать им весь нужный и возможный простор для наибольшего напряжения по восстановлению хозяйства. Эта предпосылка оказалась совершенно верной. Прежде всего новая республика проявила максимальную энергию при проведении осенней семенной, продовольственной и фуражной кампании. Все было во время на месте и сделано как следует. Приняты уже теперь все меры, чтобы население провело запашки к весеннему посеву и чтобы и ровные семена были заблаговременно на местах. Заготовку продовольствия и фуража успешно проводят все кооперативные организации. Паника лиц, стремившихся вначале бежать, куда глаза глядят, улеглась. Люди остаются на месте. И уже теперь видно, что в этом году не только

люди не умрут от голода, но и скотина уцелеет.

Таким образом власть Нем. Республики, еще не достигшей годового возраста, проявила уже полную энергию и осмотрительность не только в важном деле борьбы с недородом, но и в текущей строительной-культурной работе. Она взяла решительный, твердый курс в национальном вопросе: везде теперь говорят и ведут переписку на языке, понятном народу; она усиленно заботится о школе, издавая, ударным порядком, немецкие учебники; она создает твердую экономическую базу, привлекая со стороны капитал и технику. И есть полное основание ожидать, что Нем. Республика в теснейшем контакте с другими областями Нижнего Поволжья, особенно же с Саратовом, с которым она экономически так тесно связана, в ближайшее десятилетие окрепнет экономически.

Обозревая * * * сказанное в беглом очерке по истории нем. колоний Нижнего Поволжья, мы можем явно установить все обычные стадии экономического развития. I. До начала 19 века в колониях имеется, почти в чистом виде, преобладание натурального хозяйства с чертами феодально-чиновного гнета. II. В 1801 году первые колонисты выправляют гильдию для широкого ведения торговли на ярмарках. Торговый капитал развертывается широко и призывает к жизни интенсивное ручное производство, причем массовые ручные сновальни и веялочные мастерские начинают применять разделение труда. Словом, до начала 70-х годов 19-го века мы в нашем крае имеем картину преобладания торгового капитализма III. Во второй половине 19-го века и до империалистической войны у нас быстро развивается промышленное производство: возникают одна за другой мельницы-гиганты, мех. заводы, механич. маслобойни, механи-

зированные кожевенные заводы. Словом, диктатор—промышленный капитализм. IV. Начиная с октябрьской революции Нем. Республика, как весь С.С.С.Р. идет быстрым темпом к огосударствлению всех средств и орудий производства. V. Работа коммунистической пар-

тии, особенно в области социально-коммунистического воспитания молодежи, а также перевоспитания масс, напр., в сельско-хоз. коммунах и в партийных организациях подготавливает кадры строителей и творцов будущего коммунистического строя.

Выдающиеся деятели из колоний Поволжья.

П. Зиннер.

В течение 70 лет царское правительство не разрешало колонистам Поволжья школ повышенного типа, которых колонисты с самого основания колоний упорно добивались. Не смотря на отсутствие таких школ, стремление к общественной и научной деятельности было среди колонистов так велико, что уже первое поколение родившихся в Россиидало не только колониям, но и новой родине целый ряд общественных деятелей и ученых.

Наибольшее количество таких деятелей долго давала колония Сарепта, которой, в виде исключения, удалось свою приходскую школу поднять и приравнять к тогдашним средним учебным заведениям, т. к. Сарепта считалась городом и управлялась по особому городовому положению Из Сарептской школы вышла целая плеяда блестящих административных и культурных работников.

Здесь же получили образование первые выдающиеся деятели остальных колоний.

Сарепта одна насчитывает за первое столетие своего существования (1765—1865) не менее полсотни деятелей, крупных культурных работников.

Академик-физик и технолог
И. X. Гамель.

В их числе были академики Ис. Як. Шмидт и Иос. Христ. Гамель.

И. Я. Шмидт, был один из первых ученых калмыковедов и, как ориенталист, получил звание академика Гос. Акад. Наук. Умер он в 1847 г. в Петербурге.

И. X. Гамель родился 30 янв. 1788 г. в Сарепте, окончил здесь школу и поступил в Спб. Медико-хирургическ. академию.

Проявив незаурядные способности по технологии и физике, он по окончании в 1811 г. академии был оставлен при кафедр. физики. Вернувшись из заграничной командировки, Гамель с железным усердием принялся за изучение промышленности в России и был в 1829 г. за труды свои избран академиком по технологии. Умер он в 1862 г., завещав значительную часть своих средств Сарептской школе.

Крупных ученых исследователей и изобретателей дала и сама Сарепта. Среди них нельзя не отметить таких лиц как доктора Вир, выдающегося хирурга и химика (открыл Сарептский целебный источник); К. Нейца—миссионера среди калмыков,—изобретателя столовой горчицы и основателя первой горчицн. фабрики; Г. Мокке—изобретателя и строителя роялей;—химика И. Г.

Лангерфельда—изобретателя Сарептск. бальзама и разных дистиллатов, производившихся в построенном им заводе-лаборатории.

Крупные имена в науке приобрели Г. А. Цвик, Конст. Глич, А. К. Беккер и Алекс. Глич.—Староста Сарепты Г. А. Цвик изучил еще ранее и основательнее Шмидта, в интересах миссионерской своей работы и из интереса этнографического, калмыцкий язык и опубликовал к концу своей жизни грамматику и словарь калмыцкого языка и описание своего путешествия через калмыцкие орды с целью миссионерства (Leipzig, Kuntmers Verlag. 1827).—Константин Глич, родившийся в 1820 г. в Сарепте и умерший там же около 1890 г., был выдающимся зоологом и археологом. За крупные заслуги был избран членом-корреспондентом Московского Об-ва Естествоиспытателей и Имп. Ак. Наук.

Беккер, Александр Каспарович, родился 30-го авг. 1878 г. в Сарепте, образование получил в Сарептской школе, соответствовавшей по программе и правам гимназиям.

По окончании школы Беккер занялся коммерческой деятельностью в Московском и Петербургском представительствах Сарепты (1832—37). Вернувшись в Сарепту, он стал учителем местной школы и органистом. Учителем он оставался недолго по слабому здоровью, но органистом, как выдающийся музыкант, был в течении 32 лет. Досуги свои он посвящал изучению местной природы, стал составлять гербарии и коллекции насекомых. Сначала он изучал окрестности Сарепты, потом—Саратовский край, затем Астраханский край,

Ученый ботаник
А. К. Беккер.

и наконец Кавказ и Закаспийский край, совершая длительные естественно-научные экскурсии. Исследования свои опубликовал в Бюллетенях Моск. Об-ва Естествоиспытателей и в „Insekten-Börse“. Беккер был избран членом многих русских и заграничных ученых обществ. Скончался он 16 апр 1901 г. в Сарепте.

Интересно, что даже в числе декабристов был представителем колонистов Поволжья—Адольф Егорович Кноблох. Родился он в Сарепте, в начале 19-го века (сведения о нем, вследствие гибели его архива во время революции, весьма скудны). По данным архива Саратовск. отделения Об-ва Литераторов, А. Е. Кноблох был, как один из декабристов, сослан в 1828 г., с лишением прав состояния и разжалованием в рядовые, в 12-й Оренбургский линейный батальон (видимо, по особому дополнительному делу, т. к. в общем списке осужденных декабристов имени Кноблоха нет). Дальнейшие сведения разноречивы. Достоверно в общих чертах лишь то, что служба его далее протекала на окраинах России, в Оренбургском округе, в Западной и Восточной Сибири.

В 1839 г. Кноблох, после тяжелых невзгод, был из рядовых произведен в унтер-офицеры, а в следующем (1840 г.)—в офицеры за отличия, оказанные им при участии в Хивинской экспедиции. Впоследствии он опять дослужился до чина генерал-майора. В 1877 г. его, по словам родственников, вызвали в Петербург и погучили ему командовать бригадой, отправлявшейся на Турецкий фронт. По окончании войны он вышел в отставку и получил звание и должность члена

государственного совета. 9-го января 1884 г. Кноблех скоропостижно скончался в Петербурге от разрыва сердца.

Уроженцем Сарепты были Александр Глич, автор прекрасной книги о Сарепте, изданной им к столетнему юбилею колоний немцев Поволжья, изд. в 1865 г. на немецком языке.

К началу 19 го века выдвигаются выдающиеся люди из остальных колоний Поволжья—А. А. Клаус, Г. Бауэр, Талер... Александр Августович Клаус родился 13 декабря 1829 г. в колонии Норках, где отец его служил шувльмейстером и органистом. В школе Ал. Клаус проявил хорошие способности, а потому отец определил мальчика в Саратовскую I гимназию. Окончив курс гимназии, Ал. Авг. поступил в контору Опекунства, а затем, при закрытии конторы, перевелся в Петербург.

Последние годы своей деятельности в Петербурге Клаус служил в Министерстве Путей Сообщения в должности вице-директора департамента. Умер он 7-го янв. 1887 года, состоя председателем Екатеринославской губернской земской управы. Книга его: „Наши колонии“, печатавшаяся сначала отдельными статьями в продолжение нескольких лет в „Вестнике Европы“, является первой серьезной работой по истории колоний Поволжья.

В 1887 г. книга его была издана „Одесск. Нем. газетой“ на нем. языке.

Г. Бауэр в молодости служил чиновником конторы, а затем вместе с Эксе издавал в 1866—67 г.г. в Саратове первую немецкую газету (Sarat. Deutch Ztg.). Бауэр был одним из самых образованных колонистов 19-го столетия. В 1885—1888 г.г., доживая конец жизни в с. Степном у старшего сына, поэта Г. Г., написал обширный труд: автобиографию, мемуары и исто-

рию колонистов Поволжья. Последняя часть этого труда была в 1907 г. издана сыном автора под заглавием: „Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga“. Вся рукопись, две трети которой остались неопубликованными, а также весь ценнейший архив обоих писателей: отца и сына, погибли во время революции, за смертью Г. Г. Бауэр.

Далее укажем на ряд имен бесспорно общегосударственного каibra.

К числу их принадлежит Андрей Петрович Лей (L e y). Он родился в 1810 г. в с. Гололобовке. Отец его был свинопасом. До 16-го года мальчик в летнее время помогал отцу пасти свиней; зимой он, однако, посещал церковно-приходское училище. Своими редкими способностями мальчик обратил на себя внимание пастора Конради, тогда самого выдающегося педагога колоний. Конради взял Лей к себе в качестве лакея. Страсть мальчика к книгам побудила Конради взять мальчика с собой во время одной из поездок в Москву. Там нашлись покровители, которые помогли Лео поступить на медицинский факультет Моск. университета. По окончании университета Лей переселился в Петербург и постепенно сделался популярным врачом. Между прочим А. П. составил „Энциклопедич. медиц. лексикон“. Умер Лей в чине д. с. с. и в звании лейб-медика 9 янв. 1881 г. в с. Мартышкине, под Петербургом (Архив Сар. отд. Об-ва Лит.).

Такое же общее значение имел и поэт Эдуард Иванович Губер, родившийся в 1814 г. в колонии Усть-Залихе. Губер учился и окончил Саратовскую гимназию (в 1830 г.) и затем—в корпусе путей сообщения в Петербурге, окончив последний в 1834 г. Поступив тут-же на военную службу, он на досуге стал заниматься литературой. В печати стали появляться его стихотворения и критические статьи. Кроме того

Губер к концу 1835 г. окончил стихотворный перевод Фауста, пропущенный цензурой только после заступничества А. С. Пушкина, но вышедший в свет уже после смерти Пушкина, в 1883 г. Критические статьи и стихи Губера появлялись в „Современнике“, „Отеч. Записк.“ и „Библиотеке для чтения“. В 1845 году вышел первый сборник стихотворений Губера. Умер поэт от туберкулеза, на 33-м г. жизни, в 1847 г. В 1859—1860 г.г. вышло в издании Смирдина полное собрание сочинений Губера с хорошей биографией поэта, написанной другом его, А. Тихменевым.

Яков Фаддеевич Шрейнер, энтомолог, родился в кол. Вершинке, Камыш. у., Саратов. губ., в 1857 году. Окончив приходское училище родного села, мальчик-сирота был взят в дом паст. Штеркель, который подготовил и определил его в Мариинское земледельческое училище (в 1875 г.) По окончании училища Шрейнер с 1880 по 1883 год управлял имениями Дурасова, затем вернулся в училище, поступив в воспитатели, с целью посвятить себя научной работе. Прослужив здесь 15 лет, он—на досуге—неутомимо работал по прикладной энтомологии. Опубликованием своих работ о вредителях он обратил на себя внимание в ученом мире. В 1899 г. он был приглашен на службу в Петербург, сначала в Энтомологическое Бюро, затем в Департамент Земледелия, где прослужил до самой смерти (1919 г.). Многочисленные крупные труды его о вредителях были напечатаны в изданиях Деп. Земледелия и в зарубежных специальных органах, а также отдельными изданиями. Кроме того он сотрудничал и в местных органах: „Friedensbote“, „Volkszeitung“, „Сборн. Саратов. Земства“ и специальных: „Деревня“, „Сельское Хозяйство“ и многих других.

Я. Ф. Шрейнер был одним из лучших собирателей коллекций на-

секомых и специалистов по прикладной энтомологии в России. Он сделал важные открытия в области энтомологии и пользуется большой известностью в ученом мире Европы.

Из среды немцев Поволжья вышел и ряд художников: Вельц, Граф, Вебер...

Иван Августович Вельц (пейзажист), родился в 1866 г. в Саратове и окончил Введенскую гимназию в Петербурге. Академию художеств он, видимо, окончил в 1885 г. Его главные картины: Ранняя весна (1887), Пасмурная погода (87 г.). Сосны у Учан-Су (Крым, 88 г.). Аю-Даг со стороны Гурзуфа (88 г.). Восход солнца на крымских горах (88 г.). Скалы Гурзуфа (88 г.). Ночь в Петербурге (89 г.). После дождя (Лакта). Парк в Крыму. Ай-Петри. Аю-Даг со стороны Биюк-Ламбата. Алушта. В Ялте. По дороге из Ялты в Учан-Су. Гурзуф. (Архив Сар. отд. об-ва литерат.).

Крупный художник—и И. Граф, уроженец с. Граф на Карамане, проживающий в г. Мюнхене (Германия) и занимающийся, главным образом, церковной живописью.

Пейзажист Як. Як. Вебер, сын бедного крестьянина, родился 10-го июля 1870 г. в с. Щербаковке. Уже 25 лет он благодаря содействию д-ра Гуминского попал в Пензенскую худож. школу. Акад. Художеств он окончил в 1909 г. Имеется целый ряд прекрасных ландшафтов колоний Поволжья. Последние годы художник проживает в родной Щербаковке.

Колонии выдвинули из своей среды и деятелей сцены, из которых самым выдающимся был К. Ф. Келлер, по сцене Берг, первый антрепренер Саратов. городск. театра и талантливый артист.

В области музыки колонии дали лишь одно незначительное имя. Это—Оскар Карлович Кнауф, композитор легких вещей.

Писателей чисто местного значения имеется целый ряд: Ф. Валь-

берг, А. Ф. Лозингер, Ф. И. Бах, А. А. Розмель, Пав. Дав. Рау.

Имеется также ряд сравнительно молодых ученых, приобретших известность, как К. И. Штауб (химик), А. И. Бузик (геолог), Г. Г. Дингес (лингвист), П. Д. Рау (археолог), Рюгер (агроном), В. И. Иост (хирург), Шмидт и Келлер (химики)

К числу представителей революционной интеллигенции принадлежат: Г. П. Клинг, проводивший в свое время 4 года в ссылке в Якутской области за участие в студенческом движении; А. А. Лейман, исключенный из университета перед самыми государственными экзаменами и сосланный на родину; А. Г. Эмих, А. И. Рейхерт, А. Ф. Моор, Брюггеман и др.

Первых немцев-коммунистов выдвинула Февральская революция 1917 г.

При проведении автономии в немецких колониях, однако ощущался большой недостаток в опытных партийных работников-колониатах.

Но очень быстро выдвинулся ряд выдающихся вождей-коммунистов из среды самих колонистов и целая армия рядовых партийных работников.

В числе вождей-коммунистов немреспублики имеются—А. А. Кениг, А. И. Рейхерт, О. К. Клингер, А. П. Шнейдер, Я. Я. Суппес Э Я. Гросс. Самым же выдающимся из них является председатель Ц. И. К-та, И. Ф. Шваб.

Иван Федорович Шваб, родился 21 го дек. 1888 г. в с. Ней-Галка, Палласовского Кантона, А. С. С. Р. Н. П.

Его родители—крестьянского происхождения из села Фриденберг того же кантона.

В 1908 г. Шваб, окончил Лесно-Карамышское центральное училище. С 1908 по 1914 г. И. Ф. был народным учителем в Новоузенском уезде.

В 1914 г. Шваб был мобилизован. Февральская революция застала его в г. Карсе, в рабочем батальоне. Вскоре он был избран депутатом первого совета рабочих и солдатских депутатов г. Карса. На первом съезде социалистов-немцев Поволжья, заседавшем в 1917 г. в Саратове, Шваб был единственным большевиком. В феврале 1918 года под его непосредственным руководством была введена в Ново-Галкинской волости власть советов. Тут же он был избран председателем волостного совета. В августе того же года он был избран членом Ровенского уездного исполкома. В ноябре того же года он организовал вместе с другими т. т. коммунистич. ячейку.

В 1919—20 г. г. Шваб был председателем Ровенск. уездного исполкома. В декабре 1920 г. избран членом губ. исп. ксм-та. Одновременно был начальником Г. П. У.

Весной 1922 г. он, между прочим, состоял членом тройки по проведению посевной кампании. В январе 1924 г., по провозглашении Нем. Республики, И. Ф. был выдвинут и избран на высоко почетный и вместе с тем весьма ответственный и трудный пост председателя Ц. И. К. новой Республики.

Председатель ЦИКА
А. С. С. Р. Н. П.
И. Ф. Шваб.